

ГЕНДЕРНЫЕ ИСЛЕДОВАНИЯ GENDER STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Представленность женщин в региональных парламентах: тестирование модели традиционных гендерных ролей

© П.С. МУХАМЕТОВ

Мухаметов Руслан Салихович, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), muhametov.ru@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5175-8300

Исследованы причины ограниченной представленности женщин-депутатов в парламентах субъектов РФ. Статистика показывает, что в одних российских регионах доля женщин-депутатов в региональных ассамблеях больше, чем в других. Согласно классической точке зрения, участие женщин в политике в качестве народных представителей зависит от гендерных норм и ролей. На основе российской статистики оценено влияние традиционных гендерных ролей на представленность женщин в выборных органах. Использована информация по субъектам РФ. Методом исследования стал регрессионный анализ (метод пошаговой регрессии). Теоретико-методологической основой работы выступает теория гендерных ролей Э. Игли. Анализ опроверг сформулированную гипотезу. Традиционные взгляды на гендерные роли косвенно влияют на представительство женщин в парламенте, опосредованное процедурой отбора кандидатов политическими партиями и объединениями. «Ресурсная» модель политической активности женщин также не получила подтверждения. Показано, что доля женщин-депутатов в легислатурах субъектов РФ, где выборы прошли по партийным спискам, меньше, чем в региональных законодательных органах, сформированных по мажоритарной или смешанной системе.

Ключевые слова: женщины, парламент, гендерные роли, гендерный порядок, патриархальная семья, гендерная политология, регрессионный анализ, пошаговая регрессия

Цитирование: Мухаметов П.С. (2023) Представленность женщин в региональных парламентах: тестирование модели традиционных гендерных ролей // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 131–145. DOI: 10.31857/S0869049923030097, EDN: GIQWFE.

Representation of Women in Regional Parliaments: Testing the Model of Traditional Gender Roles

© R. MUKHAMETOV

Ruslan S. Mukhametov, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), muhametov.ru@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5175-8300

Abstract. The reasons for the limited women's representation in the parliaments of the constituent entities of the Russian Federation are studied. Statistics show that in some Russian regions the proportion of women deputies in regional assemblies is higher than in the others. The classical point of view states that women's participation in politics as people's representatives is determined by gender norms and roles. Assessments of the influence of traditional gender roles were carried out based on Russian statistics. Information on the subjects of the Russian Federation was used in analysis. The regression analysis (step-by-step regression method) was used as a research method. The theoretical and methodological basis of the work is the theory of gender roles by A. Eagly. The conducted research refutes the formulated hypothesis. Traditional gender views have at most indirect influence on the parliamentary representation of women, mediated by the procedure of selection of candidates by political parties and civil society organizations. Provisions of the "resource" model of women's political activism also weren't confirmed. It is shown that the share of women deputies in the legislatures of the constituent entities of the Russian Federation which use the system of party lists during the election is less than in regional legislative bodies formed according to the majority or mixed electoral system.

Keywords: women, parliament, gender roles, gender order, patriarchal family, gender political science, regression analysis, step-by-step regression

Citation: Mukhametov R. (2023) Representation of Women in Regional Parliaments: Testing the Model of Traditional Gender Roles. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 131–145. DOI: 10.31857/S0869049923030097, EDN: GIQWFE.

Введение

Гендерные политические исследования в России выступают одним из основных направлений политологии [Айвазова 2002; Рябова, Овчарова 2016; Temkina, Zdravomyslova 2003]. Отечественные ученые развивают исследования нескольких основных проблем: роль женских образов и символов в информационном пространстве и политике [Riabov 2020; Riabova, Riabov 2019]; гендерный аспект выборов [Шведова 2018] и гендерные стереотипы в российской политической культуре [Рябова, Рябов 2020; Хасбулатова 2001]. Также научный интерес вызывает представленность женщин в органах федеральной и региональной государственной власти [Козлова, Монахова 2019; Кочкина 2013]. Данная статья продолжает традицию четвертого направления исследований.

Согласно данным Росстата, население страны по состоянию на 1 января 2020 г. составило 146 749 тыс. человек, 78 625 тыс. из них – женщины (53,5%). Иными словами, более половины жителей страны относится к женскому полу. В то же время среди глав субъектов РФ на данный момент единственной женщиной является Н. Комарова (ХМАО-Югра). За всю постсоветскую историю подобные посты занимали только шесть женщин: В. Броневич (Корякский автономный округ, 1996–2000 гг.), В. Матвиенко (Санкт-Петербург, 2003–2011 гг.), М. Ковтун (Мурманская область, 2012–2019 гг.), С. Орлова (Владимирская

область, 2013–2018 гг.) и Н. Жданова (Забайкальский край, 2016–2018 гг.). Доля женщин среди депутатов Государственной Думы по состоянию на 1 января 2020 г. составляла 16,3%, женщин-депутатов в представительных органах муниципальных районов – 33%, городских поселений – 43%, сельских поселений – 50%, городских округов – 28%, внутригородских районов – 29%, внутригородских территорий – 49%¹. По данным Росстата на 1 января 2014 г., в законодательных органах субъектов РФ доля женщин составляла 13%. В то же время в Дагестане показатель был 2%, а в Калужской области – 35%. Осенью 2019 г. женщины в законодательных органах российских регионов были представлены на уровне 16,34% (медиана – 14,9%). В legislatures Магаданской области и Чеченской Республики их присутствие составляет 0%, а в Думе Чукотского автономного округа – 46,7%². Одновременно следует подчеркнуть, что эксперты относят Россию к группе государств с жесткой гендерной асимметрией в пользу женщин [*Силласте* 2022]. Соответственно, исследовательский вопрос настоящей статьи можно сформулировать так: чем обусловлена большая представленность женщин-депутатов в парламентах в одних субъектах РФ, чем в других?

Другие исследователи ранее также пытались ответить на данный вопрос. Так, российский политолог Г. Голосов, изучая влияние политических партий на представительство женщин в законодательных органах субъектов РФ, пришел к выводу, что партии создают благоприятную среду для политической активности женщин. Сильные партии, которые заботятся о сохранении своей политической выживаемости, стремятся выдвигать женщин, а не партийных боссов [*Golosov* 2001]. В ситуации электорального авторитаризма представительство увеличивается пропорционально, когда доминирующая партия достаточно велика, чтобы сделать список кандидатов гендерно-сбалансированным. На выборах в мажоритарных округах из-за снижения электоральной конкуренции представленность женщин сокращается [*Golosov* 2014]. Исследования показывают, что значительное присутствие женщин в российских парламентах обеспечивает мажоритарная избирательная система с одномандатными округами [*Moser* 2001]. Как указывает Р. Мухаметов, парламентские выборы в России по пропорциональной системе не обеспечивают их высокое представительство [*Мухаметов* 2021b]. Выборы депутатов на основе мажоритарной системы с многомандатными округами способствует повышению доли женщин в представительных органах [*Мухаметов* 2021a]. Р. Мозер отмечает, что доля женщин-депутатов в России немного возросла в связи с возникновением конкурентного авторитаризма в России и появлением доминирующей партии «Единая Россия», в то же время тип избирательной системы не сильно влияет на представительство женщин [*Moser, Rybalko* 2022].

Как отечественные, так и зарубежные исследователи уделяют основное внимание влиянию избирательных систем на представительство женщин в выборных органах. В то же время общепринятая точка зрения состоит в том, что традиционные семейно-ролевые ориентации препятствуют выдвижению женщин-кандидатов и избранию их депутатами. Гендерный разрыв в legislatures возникает в результате традиционного гендерного порядка, которая сохраняется в культуре России. Недостаточную политическую активность жен-

¹ Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.). Развитие федеративных отношений и местного самоуправления. Министерство юстиции Российской Федерации. (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/#section-materials>).

² Непредставительная власть: женщины в региональных собраниях. Трансперенси Интернешнл. (<https://transparency.org.ru/special/womenassembly/#rec151368293>). Организация признана иностранным агентом в РФ – прим. ред.

щин и их представленность в законодательных органах России исследователи объясняют патриархальными устоями страны и т. д. [Рябова 2008; Dolan et al 2010].

Цель данной работы – эмпирически проверить соответствие модели «маскулинизированного этоса» политики данным о представленности женщин-депутатов в корпусе региональных парламентариев. Новизна настоящего исследования заключается в том, что оно пополняет базу знаний о причинах слабого представительства женщин в парламентах субъектов РФ и дополняет уже существующие исследования о влиянии культурно-идеологического фактора на представительство женщин в политике.

В первом разделе статьи рассмотрена модель традиционных гендерных ролей и выработаны рабочие гипотезы. Второй раздел посвящен источникам информации, а также методам сбора и анализа данных. Результаты эмпирического тестирования и их обсуждение представлены в третьем разделе. Наконец, в заключительном разделе подведены итоги.

Теоретическая база исследования

Методологической основой настоящего исследования выступает теория гендерных ролей, которую разработала американский профессор психологии Элис Игли, согласно которой половые различия и сходства в поведении отражают представления о гендерных ролях. Последние, в свою очередь, воспроизводят представления людей о социальных ролях мужчин и женщин в обществе, в котором они живут [Eagly, Wood 1999; Eagly, Wood 2012; Eagly et al 2000]. Гендерный разрыв – небольшое присутствие женщин на выборных должностях, в том числе и в депутатском корпусе региональных парламентов, – обычно объясняют традиционным гендерным порядком.

Он представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, которые формируют в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению [Силласте 2019, 7]. Некоторые исследователи понимают под таким порядком совокупность разных гендерных режимов (или укладов), которые появляются в результате действий и стратегий людей в рамках заданных институциональных условий [Здравомыслова, Темкина 2003, 300]. Многие эксперты полагают, что традиционная роль мужчины в семье – кормилец, в то время как задача женщины – заботиться о детях. Обязанность женщины состоит в том, чтобы рожать их, нянчить и следить за тем, чтобы они были одеты, накормлены и хорошо ухожены. Гендерные роли мужчин традиционно обозначают такими словами, как «кормилец», «хозяин», «защитник», в то время как классические женские гендерные роли – это «домохозяйка», «мать».

Общество, в котором преобладают традиционные гендерно-ролевые ориентации, ожидает, что женщина будет доброй, терпеливой, скромной, мягкой, заботливой, понимающей и «домашней» [Bos at al 2022]. В качестве примера традиционного распределения гендерных ролей можно привести патриархальную семью, в которой муж зарабатывает деньги и полностью обеспечивает своих родных, в то время как жена присматривает за домом, готовит и воспитывает детей. Традиционные семейно-ролевые ориентации воплощаются в гетеросексуальном браке, в котором женщины берут на себя большинство обязанностей по домашнему хозяйству и уходу за детьми. В результате для многих женщин политическая карьера выступает «третьей работой» [Judge, Livingston 2008].

В силу экономических и структурных реалий женщины исторически выполняли функции, связанные с помощью другим (уход за детьми, сфера частной жизни), а мужчины брали на себя роли, в которых внимание сосредотачивается на них (лидерство, сфера общественной жизни) [Adebayo et al 2015]. Можно согласиться с тезисом о том, что в основе традиционного образа «настоящего мужчины» лежит маскулинная идеология,

которая строится на отличии мужчин от женщин, а также о праве «настоящих» мужчин властвовать над женщинами и «ненастоящими» мужчинами (подчиненными) [Кон 2008, 37–38]. Таким образом, традиционные семейно-ролевые ориентации препятствуют участию женщин в политической сфере.

В рамках модели классической гендерной социализации, которая проявляется в традиционных семейно-ролевых ориентациях и маскулинизированном этосе политики, установки и личный опыт женщин и мужчин будут отличаться: они будут по-разному оценивать вероятность выдвижения собственной кандидатуры на выборах. В процессе традиционной гендерно-ролевой социализации у потенциальных кандидатов складывается мнение, что политика – это область, которую лучше оставить мужчинам. В этой модели политика представлена как «мужская игра». Следовательно, женщины и девочки воспринимают ее как мужское занятие и учатся думать, что им следует избегать активного участия в общественной жизни [Valentova 2016]. Политические организации и институты, которые всегда контролировали мужчины, учитывают в своей деятельности гендерные факторы, которые способствуют участию мужчин в политической жизни, и не поощряют участие женщин в традиционно «мужских» сферах жизнедеятельности.

В рамках гендерной политической социализации дети усваивают существующие гендерные роли и нормы. У девочек развиваются соответствующие черты характера (например, девочки ценят заботливость, а не конкурентоспособность). Их воспитывают с ориентацией на уход за другими людьми. Девочки перенимают модель поведения женщин-опекунов. Напротив, социализация мальчиков направлена на достижение автономии и поведение, которое часто отделено от заботы о благополучии других. Воспитание со стороны матерей-опекунов поощряет девочек развивать эмпатические отношения. Мальчики исторически испытывают меньше вины за прямое выражение агрессии [Lawless, Fox 2003].

Таким образом, женщины, как правило, в ходе социализации не перенимают качества, которые требуются в современной политике от кандидатов и выборных должностных лиц. Мужчин же учат быть уверенными и напористыми.

С точки зрения теории рационального выбора политики действуют с учетом долгосрочной перспективы. Они учитывают свой опыт и общественное мнение при принятии политических решений. В рамках традиционной гендерной социализации женщины и мужчины будут по-разному оценивать затраты и преимущества при выдвижении на выборную должность. Соответственно, и спрос избирателей на женщин-кандидатов, и желание самих женщин принимать участие в выборах должны быть минимальными.

Таким образом, гендерный разрыв в политическом представительстве женщин связан с традиционными семейно-ролевыми ориентациями и «маскулинизированным духом». Традиционная полоролевая социализация объясняет медленное включение женщин в предвыборные кампании. Ее считают ключом к пониманию гендерного неравенства в политических институтах.

Исходя из всего вышесказанного, сформулирована следующая рабочая гипотеза: в субъектах РФ, где преобладают традиционные взгляды на гендерные роли, женщин-депутатов в региональном парламенте меньше, чем мужчин.

Переменные, источники данных и методы исследования

Для измерения влияния традиционных гендерных ролей на представленность женщин в legislatures субъектов РФ необходимо определить переменные. Зависимая переменная («женщины») – это доля женщин-депутатов в региональных парламентах. Выбор независимых переменных определялся теоретическими рамками исследования и поставлен-

ной гипотезой. Модель традиционного гендерного порядка операционализована через несколько переменных:

- 1) «дети» – количество родившихся на 1000 человек;
- 2) «рождаемость» – суммарный коэффициент рождаемости;
- 3) «разводы» – коэффициент разводов.

Выбор обусловлен двумя обстоятельствами: ролью субъекта РФ как единицы анализа и имеющимися статистическими данными.

Чтобы корректно установить взаимосвязь между независимыми и зависимой переменными, а также исключить ошибочный результат, необходимо обозначить контрольные переменные. Ими стали: отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин («зарплата»), доля женщин с высшим образованием в общей численности населения («образование»), доля женщин со степенью магистра в общей численности населения («магистратура»). Данные переменные выделены в рамках ресурсной теории объяснения политической активности женщин. Согласно этому подходу, различия в таких социально-экономических ресурсах, как образование и доход, отображаются на политической представленности женщин [Atkeson 2003]. Данная теоретическая модель предполагает, что отдельные люди с большей вероятностью будут принимать участие в политике, если у них есть ресурсы, которые позволяют это сделать: время для политической деятельности, деньги на избирательную кампанию и т. д. [Burns et al 2001]. Контрольной переменной выступает уровень наличия нефтегазовых ресурсов в субъектах РФ (переменная «природные ресурсы»). Так, М. Росс считает, что низкий статус женщин и их недопредставленность в рабочей силе и политике в странах Ближнего Востока обусловлены не патриархальными обычаями, а связано с добычей нефти и полезных ископаемых. По мнению исследователя, доходы от экспорта углеводородов делает традиционные отрасли экономики, в которых преимущественно работают женщины, убыточными, что сокращает их численность в составе рабочей силы и, как следствие, снижает политическое участие женщин [Ross 2008].

В анализе использована фиктивная переменная. Ее добавляют в регрессионную модель для представления факторов, которые принимают одно из двух значений: ноль или единица. В данном исследовании такой переменной стала «избирательная система»: она получает значение «1», если выборы проходили по пропорциональной системе, «0» – во всех остальных случаях. Существует множество исследований о влиянии типа избирательных систем на участие женщин в политике. Считается, что доля женщин в парламенте выше в странах с избирательными системами пропорционального представительства. Другими словами, количество женщин-депутатов возрастает при использовании пропорциональной системы [Salmond 2006; Thames 2017]. В таблице 1 представлены данные по всем переменным.

В таблице 2 представлена описательная статистика переменных: среднее значение, медиана, стандартное отклонение, максимальное и минимальное значения.

Доля женщин в депутатском корпусе региональных парламентов определена на основе данных Росстата о составе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ³. Информация о численности родившихся на 1 тыс. человек, о суммарном коэффициенте рождаемости и коэффициенте разводов приведена по данным Федеральной службы государственной статистики за 2020 г. Доля женщин с высшим образованием была подсчитана самостоятельно на основе материалов Всероссийской переписи населения 2010 г. Доля добывающей промышленности в структуре ВРП вычис-

³ Состав депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти на 1 января 2014 г. Женщины и мужчины России – 2020 г. Федеральная служба государственной статистики. (https://gks.ru/bgd/regl/b20_50/Main.htm).

лена на основе данных Росстата за 2020 г. Источником информации по избирательным системам на выборах региональных депутатов стали официальные сайты избирательных комиссий субъектов РФ и открытые данные.

Методом исследования выступает регрессионный анализ. Статистическая обработка данных была выполнена в прикладном программном пакете GRETЛ.

Таблица 1

Описание переменных регрессионной модели

Table 1

Description of the variables of the regression model

Код	Наименование переменной	Тип переменной	Определение	Предполагаемый характер взаимосвязи
Y	Женщины	зависимая	Доля женщин в депутатском корпусе региональных парламентов, %	–
X1	Дети	независимая	количество родившихся на 1 тыс. человек	отрицательный
X2	Рождаемость	независимая	суммарный коэффициент рождаемости, количество детей	отрицательный
X3	Разводы	независимая	коэффициент разводов	положительная
X4	Зарплата	контрольная	отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %	отрицательная
X5	Образование	контрольная	доля женщин с высшим образованием в общей численности населения, %	положительная
X6	Магистратура	контрольная	доля женщин со степенью магистра в общей численности населения, %	положительная
X7	Природные ресурсы	контрольная	доля добычи полезных ископаемых в структуре регионального валового продукта, %	отрицательная
X8	Избирательная система	фиктивная	1 – выборы депутатов по пропорциональной системе, 0 – по другим.	–

Таблица 2

Описательная статистика по переменным

Table 2

Descriptive statistics of variables

Переменная	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Женщины	14,1	13,3	7,06	2,2	35
Дети	13,7	13,1	2,99	8,8	26,1
Рождаемость	1,85	1,82	0,31	1,29	3,39
Разводы	4,76	4,9	1,11	1	7
Зарплата	73,9	72,9	6,73	61,3	96,9
Образование	9,83	9,7	1,95	3,16	19,3
Магистратура	0,2	0,19	0,08	0,05	0,49
Природные ресурсы	9,5		16,95	0	75,9
Избирательная система	0,1	0	0,35	0	2

Результаты эмпирического анализа и их обсуждение

Для оценки влияния модели гендерного порядка на представленность женщин в субнациональных парламентах была построена линейная модель множественной регрессии методом наименьших квадратов (см. таб. 3).

Таблица 3

Результаты регрессионного оценивания модели традиционных гендерных ролей

Table 3

Regression estimation of the model of traditional gender roles

Переменные	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
Дети	-2,22766	0,740632	-3,008	0,0036***
Рождаемость	25,7886	6,64671	3,880	0,0002***
Разводы	0,583017	0,971307	0,6002	0,5502
Зарплата	-0,153146	0,139605	-1,097	0,2762
Образование	0,256619	0,533838	0,4807	0,6321
Магистратура	5,14579	11,6301	0,4425	0,6594
Природные ресурсы	-0,0425076	0,0592014	-0,7180	0,4750
Избирательная система	6,01288	3,04555	1,974	0,0520
const	1,10386	12,6754	0,08709	0,9308
R-квадрат – 0,22				

В результате линейной регрессии может проявляться мультиколлинеарность. Чтобы выявить ее, в регрессионной модели использован метод инфляционных факторов (VIF). Анализ мультиколлинеарности, выполненный в Gretl, показал ее присутствие. Самые большие значения VIF-фактора у переменных «Дети» и «Рождаемость» – 9,507 и 8,502 соответственно. Мультиколлинеарность устранялась через метод пошаговой регрессии – итеративное пошаговое проектирование регрессионной модели, в рамках которого выбирают независимые переменные для окончательной модели [Wilkinson, Dallal 1981]. Метод включает в себя последовательное удаление потенциальных объясняющих переменных и проверку статистической значимости после каждой итерации [McIntyre et al 1983].

В итоговой регрессионной модели остались только две переменные (см. таб. 4).

Таблица 4

Результаты пошаговой регрессии

Table 4

Step-by-step regression results

Переменные	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
Дети	-2,40033	0,628015	-3,822	0,0003***
Рождаемость	25,1073	5,88997	4,263	0,0000***
const	-0,111614	4,64428	-0,02403	0,9809
R-квадрат – 0,2				

В таблице 4 представлены результаты оценки того, как модель традиционного гендерного порядка влияет на представленность женщин в депутатском корпусе региональных legislatures. Она предполагает, что низкое участие женщин в законодательных органах возникает из-за доминирования традиционного восприятия гендерных ролей. Регрессионный анализ взаимосвязи между переменными позволил определить факторы, которые при прочих равных условиях существенно влияют на долю женщин-депутатов в законодательных органах. Коэффициенты показывают характер (положительный или отрицательный) и силу влияния отдельных факторов (с учетом их значимости).

Статистический анализ показал неоднозначные результаты. Данные по первой переменной (таб. 4) подтвердили предполагаемую отрицательную взаимосвязь между количеством детей на 1 тыс. человек и долей женщин в legislatures, однако итоги по второй переменной продемонстрировали обратную зависимость. Кроме того, построенная регрессионная модель объясняет только 20% случаев. Вышеназванные выводы явно не соответствуют описанным теоретическим ожиданиям. Тезис о том, что культура негативно влияет на долю женщин-парламентариев, выработан давно [Inglehart, Norris 2001]. Объяснение низкого уровня политического участия женщин традиционным гендерным порядком и сильной патриархальной системой, которая затрудняет женщинам участие в мире политики, зачастую принимают на веру. Таким образом, результаты данного исследования бросают вызов распространенному мнению о том, что традиционные взгляды на роль и место женщин в политике и негативное отношение к их политическому участию выступают основным препятствием для избрания женщин в парламент.

На данном этапе важно объяснить результаты исследования. Как представляется, рассматриваемая теория косвенно положительно влияет на парламентское представительство женщин. Чтобы объяснить опосредованный причинно-следственный механизм, необходимо экстраполировать модель спроса и предложения на политиков-женщин. Объяснение со стороны спроса предполагает, что партийное руководство (на стадии выдвижения кандидатов) и избиратели контролируют доступ к выборным должностям, а со стороны предложения – женщины имеют разный уровень политических амбиций [Norris, Lovenduski 1995]. Доминирующие в обществе социальные нормы влияют как на самих женщин, определяя их мотивацию заниматься политической деятельностью, так и на избирателей, которые имеют разный уровень готовности голосовать за женщин-кандидатов. Кроме того, партийный менеджмент взвешивает все аргументы за и против, когда включает то или иное лицо в партийный список кандидатов или рассматривает поддержку конкретного кандидата в округе.

Необходимо отметить результаты контрольных и фиктивных переменных, которые отразили «ресурсную» модель политической активности женщин. Согласно данному подходу, образовательные достижения и увеличение показателей участия женщин в рабочей силе положительно влияют на их уровень политического представительства – в том числе и в законодательных органах. Считается, что если женщины будут иметь доступ к образовательным и профессиональным возможностям, они получат человеческий и финансовый капитал, необходимый для того, чтобы баллотироваться на выборные должности [Kunovich, Paxton 2005; Paxton, Kunovich 2003]. Результаты исследования опровергают данную объяснительную модель. Отдельные эксперты также приходят к выводу, что образование, участие в рабочей силе и экономическое положение не оказывают статистически значимого влияния на представительство женщин [Yoon 2004]. Другие ученые считают, что более высокая доля женщин в системе среднего образования и более высокий уровень экономического развития способствуют росту представительства женщин в национальных законодательных органах [Adams 2011]. Таким

образом, «ресурсная» модель политической активности женщин нуждается в дополнительном изучении.

Тезис о положительном влиянии пропорциональной избирательной системы на представительство женщин в legislatures не получил подтверждения. Математические расчеты на основе российской статистики показывают, что в региональных выборных органах власти, сформированных по пропорциональной системе, доля женщин в депутатском корпусе составляет 12,2% (медиана – 11%), в то время как в региональных парламентах с выборами по смешанной или мажоритарной системе показатель равен 14,2% (медиана 13,3%). Иными словами, скорее существует обратная зависимость: доля женщин-депутатов в legislatures субъектов РФ, где выборы прошли по партийным спискам, меньше, чем в региональных законодательных органах с другими системами (исключительно одномандатники или списочники и одномандатники одновременно). Следует отметить, что шесть из семи субъектов РФ с выборами по пропорциональной системе представляют собой национальные республики – как правило, Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Чечня). Данные результаты исследования соответствуют выводам других российских ученых [Мухаметов 2021b].

В силу того, что женщины представлены в парламентах недостаточно, насущным остается вопрос о том, как увеличить их участие в политике. Существуют различные стратегии для устранения ограничивающих факторов и барьеров. Гендерные квоты показали себя успешным инструментом в данной ситуации.

Заключение

Ограниченную представленность женщин в определенных профессиональных областях нельзя объяснить исключительно биологическими различиями между мужчинами и женщинами. Часть причин связана с культурными барьерами и доминирующими в обществе социальными нормами. Они (в том числе и гендерные роли) усваиваются и формируются в детстве, продолжая влиять на поведение в подростковом и взрослом возрасте. Невидимые преграды, которые создают гендерное неравенство в политической сфере, состоят из традиционных убеждений и установок. Основной причиной эксперты считают сохранение в обществе патриархальных традиций, в рамках которых женщину рассматривают как мать и жену, а политику считают «мужской» сферой.

В настоящей статье была предпринята попытка эмпирически оценить влияние традиционного гендерного порядка на представительство женщин в региональных парламентах. Опираясь на теорию гендерных ролей Э. Игли и данные по субъектам РФ, был проведен регрессионный анализ (пошаговая регрессия). Результаты статистического анализа на основе данных по таким параметрам, как количество детей на 1 тыс. населения, коэффициент рождаемости и т. д., не подтверждают рабочую гипотезу на 100%.

Кроме того, в статье проверены основные положения «ресурсной» модели политического участия, согласно которой социально-экономические условия (уровень образования, участие женщин в рабочей силе и др.) влияют на численность женщин в законодательных органах. Полученные результаты положительной взаимосвязи ряда показателей, использованных в рамках модели, не подтвердили теоретические ожидания. К результатам данного исследования можно отнести и вывод о том, что доля женщин-депутатов в legislatures субъектов РФ, где выборы прошли по партийным спискам, меньше, чем в региональных законодательных органах, сформированных по мажоритарной или смешанной системе.

Текущие выводы следует принимать с учетом определенных ограничений, главным из которых необходимо считать анализ данных на структурном уровне. Для формирования

полной картины о причинах гендерного политического неравенства необходимо провести дополнительные исследования. Одним из направлений дальнейшего анализа может стать работа, основанная на основе опросных методов. Подобный подход позволит выявить наличие гендерной предвзятости у избирателей. Другой стратегией получения более полных результатов может выступить анализ панельных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазова С.Г. (2002) Гендерные исследования современных политических процессов в России // *Женщина в российском обществе*. № 2–3. С. 24–32.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2003) Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. № 3/4. С. 299–321.

Козлова Н., Монахова Ю. (2019) Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*. № 2. С. 57–69. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-57-69.

Кон И.С. (2008) Мужская роль и гендерный порядок // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 2. С. 37–43.

Кочкина Е.В. (2013) Законодательство о выборах в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, 1993–2013 гг.: гендерные ограничения и возможности квотирования. М.: Вариант. 153 с.

Мухаметов Р.С. (2021a) Влияние величины избирательных округов на гендерный состав муниципального депутатского корпуса // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 43–55. DOI: 10.31857/S086904990017284-4.

Мухаметов Р.С. (2021b) Высокое представительство женщин в парламенте и пропорциональная избирательная система: работает ли эта взаимосвязь в России? // *Сравнительная политика*. № 2. С. 82–93. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10021.

Рябова Т.Б., Овчарова О.Г. (2016) Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 3–23.

Рябова Т.Б. (2008) Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван.гос. ун-т. 246 с.

Рябова Т.Б., Рябов О.В. (2020) «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // *Женщина в российском обществе*. № 4. С. 5–13. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.

Силласте Г.Г. (2022) Мировой гендерный ландшафт и страновой гендерный порядок в условиях глобальной трансформации социальных систем // *Век глобализации*. № 3. С. 112–131.

Силласте Г.Г. (2019) Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. № 2. С. 3–16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1.

Хасбулатова О.А. (2001) Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // *Женщина в российском обществе*. № 3–4. С. 17–24.

Шведова Н.А. (2018) Гендерный аспект президентской кампании 2016 года в США // *Американский ежегодник*. № 2017. С. 57–65.

Adams K. (2011) Moving towards Gender Parity: Female Representation in National Legislatures, 2001 and 2011 // *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. Vol. 6. No. 3. Pp. 55–74.

Adebayo S., Olawa B., Osasogie O. (2015) Quality of Family Relationships: The Contributions of Family Structures and Gender – Role Orientations // *Social and Natural Sciences Journal*. Vol. 9. No. 1. Pp. 1–4. DOI: 10.12955/snsj.v9i1.718.

Atkeson L. (2003) Not All Cues Are Created Equal: The Conditional Impact of Female Candidates on Political Engagement // *The Journal of Politics*. Vol. 65. No. 4. Pp. 1040–1061. DOI: 10.1111/1468-2508.t01-1-00124.

Bos A., Greenlee J., Holman M., Oxley Z., Lay J. (2022) This One's for the Boys: How Gendered Political Socialization Limits Girls' Political Ambition and Interest // *American Political Science Review*. Vol. 116. No. 2. Pp. 484–501. DOI: 10.1017/S0003055421001027.

Burns N., Schlozman K., Verba S. (2001) *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality and Political Participation*. Cambridge: Harvard University Press. 453 p.

Dolan J., Deckman M., Swers M. (2010) *Women and Politics: Paths to Power and Political Influence*. New York: Pearson. 448 p.

Eagly A., Wood W. (1999) The Origins of Sex Differences in Human Behavior // *American Psychologist*. Vol. 54. No. 6. Pp. 408–423. DOI: 10.1037/0003-066X.54.6.408.

Eagly A., Wood W. (2012) Social Role Theory // In: *Handbook of Theories of Social Psychology*. Vol. 2. Thousand Oaks: SAGE Publications Ltd. Pp. 458–476. DOI: 10.4135/9781446249222.n49.

Eagly A., Wood W., Diekmann A. (2000) Social Role Theory of Sex Differences and Similarities: A Current Appraisal // In: *The Developmental Social Psychology of Gender*. Mahwah, NJ: Erlbaum. Pp. 123–174.

Golosov G. (2014) Is Electoral Authoritarianism Good for Women's Representation? Evidence from the 1999–2011 Regional Legislative Elections in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 1. Pp. 51–66. DOI: 10.1080/1060586X.2013.831653.

Golosov G. (2001) Political Parties, Electoral Systems and Women's Representation in the Regional Legislative Assemblies of Russia, 1995–1998 // *Party Politics*. Vol. 7. No. 1. Pp. 45–68. DOI: 10.1177/1354068801007001003.

Inglehart R., Norris P. (2001) Women and Democracy: Cultural Obstacles to Equal Representation // *Journal of Democracy*. Vol. 12. No. 3. Pp. 126–140. DOI: 10.1353/jod.2001.0054.

Judge T., Livingston B. (2008) Is the Gap More Than Gender? A Longitudinal Analysis of Gender, Gender Role Orientation, and Earnings // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 93. No. 5. Pp. 994–1012. DOI: 10.1037/0021-9010.93.5.994.

Kunovich S., Paxton P. (2005) Pathways to Power: The Role of Political Parties in Women's National Political Representation // *American Journal of Sociology*. Vol. 111. No. 2. Pp. 505–552. DOI: 10.1086/444445.

Lawless J., Fox R. (2003) Family Structure, Sex-role Socialization, and the Decision to Run for Office // *Women & Politics*. Vol. 24. No. 4. Pp. 19–48. DOI: 10.1300/J014v24n04_02.

McIntyre S., Montgomery D., Srinivasan V., Weitz B. (1983) Evaluating the Statistical Significance of Models Developed by Stepwise Regression // *Journal of Marketing Research*. Vol. 20. No. 1. Pp. 1–11.

Moser R., Rybalko M. (2022) Representation of Women and Ethnic Minorities in the Russian State Duma 1993–2021 // *Russian Politics*. Vol. 7. No. 2. Pp. 311–339. DOI: 10.30965/24518921-00604022.

Moser R.G. (2001) The Effects of Electoral Systems on Women's Representation in Post-Communist States // *Electoral Studies*. Vol. 20. No. 3. Pp. 353–369. DOI: 10.1016/S0261-3794(00)00024-X.

Norris P., Lovenduski J. (1995) *Political Recruitment. Gender, Race and Class in the British Parliament*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.

Paxton P., Kunovich S. (2003) Women's Political Presentation: The Importance of Ideology // *Social Forces*. Vol. 82. No. 1. Pp. 87–113. DOI: 10.1353/sof.2003.0105.

Riabov O. (2020) The Symbol of the Motherland and in the Legitimation and Delegitimation of Power in Contemporary Russia // *Nationalities Papers*. Vol. 48. No. 4. Pp. 752–767. DOI: 10.1017/nps.2019.14.

Riabova T., Riabov O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year's Eve Sexual Assaults in Cologne in Hegemonic Discourse of Russian Media // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 52. No. 2. Pp. 145–154. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.04.004.

Ross M. (2008) Oil, Islam, and Women // *American Political Science Review*. Vol. 102. No. 1. Pp. 107–123. DOI: 10.1017/S0003055408080040.

Salmond R. (2006) Proportional Representation and Female Parliamentarians // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 31. No. 2. Pp. 175–204. DOI: 10.3162/036298006x201779.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2003) Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences // *Studies in East European Thought*. Vol. 55. No. 1. Pp. 51–61.

Thames F. (2017) Understanding the Impact of Electoral Systems on Women's Representation // *Politics & Gender*. Vol. 13. No. 3. Pp. 379–404. DOI: 10.1017/S1743923X16000325.

Valentova M. (2016). How Do Traditional Gender Roles Relate to Social Cohesion? Focus on Differences between Women and Men // *Social Indicators Research*. Vol. 127. No. 1. Pp. 153-178. DOI: 10.1007/s11205-015-0961-2.

Wilkinson L., Dallal G. (1981) Tests of Significance in Forward Selection Regression with an F-to-Enter Stopping Rule // *Technometrics*. Vol. 23. No. 4. Pp. 377–380.

Yoon M. (2004) Explaining Women's Legislative Representation in Sub-Saharan Africa // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 29. No. 3. Pp. 447–468. DOI: 10.3162/036298004X201258.

REFERENCES

Adams K. (2011) Moving Towards Gender Parity: Female Representation in National Legislatures, 2001 and 2011. *International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. vol. 6, no. 3, pp. 55–74.

Aivazova S.G. (2002) Gendernye issledovaniia sovremennykh politicheskikh protsessov v Rossii [Gender Studies of Modern Political Processes in Russia]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 2–3, pp. 24–32.

Atkeson L. (2003) Not All Cues Are Created Equal: The Conditional Impact of Female Candidates on Political Engagement. *The Journal of Politics*. vol. 65, no. 4, pp.1040–1061.

Adebayo S., Olawa B., Osasogie O. (2015) Quality of Family Relationships: The Contributions of Family Structures and Gender – Role Orientations. *Social and Natural Sciences Journal*. vol. 9, no. 1, pp.1–4.

Bos A., Greenlee J., Holman M., Oxley Z., Lay J. (2022) This One's for the Boys: How Gendered Political Socialization Limits Girls' Political Ambition and Interest. *American Political Science Review*. vol. 116, no. 2, pp.484–501.

Burns N., Schlozman K., Verba S. (2001) *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality and Political Participation*. Cambridge: HarvardUniversityPress. 453 p.

Dolan J., Deckman M., Swers M. (2010) *Women and Politics: Paths to Power and Political Influence*. New York: Pearson. 448 p.

Eagly A., Wood W. (1999) The Origins of Sex Differences in Human Behavior. *American Psychologist*. vol. 54, no. 6, pp. 408–423.

Eagly A., Wood W. (2012) Social Role Theory. In: *Handbook of Theories of Social Psychology*. Vol. 2. Thousand Oaks: SAGE Publications Ltd. Pp. 458–476.

Eagly A., Wood W., Diekmann A. (2000) Social Role Theory of Sex Differences and Similarities: A Current Appraisal. In: *The Developmental Social Psychology of Gender*. Mahwah, NJ: Erlbaum. Pp. 123–174.

Golosov G. (2014) Is Electoral Authoritarianism Good for Women's Representation? Evidence from the 1999–2011 Regional Legislative Elections in Russia. *Post-Soviet Affairs*. vol. 30, no. 1, pp.51–66.

Golosov G. (2001) Political Parties, Electoral Systems and Women's Representation in the Regional Legislative Assemblies of Russia, 1995–1998. *Party Politics*. vol. 7, no. 1, pp.45–68.

Inglehart R., Norris P. (2001) Women and Democracy: Cultural Obstacles to Equal Representation. *Journal of Democracy*. vol. 12, no. 3, pp. 126–140.

Judge T., Livingston B. (2008) Is the Gap More Than Gender? A Longitudinal Analysis of Gender, Gender Role Orientation, and Earnings. *Journal of Applied Psychology*. vol. 93, no. 5, pp. 994–1012.

Khasbulatova O.A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender Stereotypes in Political Culture: Specifics of Russian Experience]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 3-4, pp. 17–24.

Kochkina E.V. (2013) *Zakonodatel'stvo o vyborah v Gosudarstvennuju Dumu Federal'nogo Sobraniya RF, 1993–2013 gg.: gendernye ogranichenija i vozmozhnosti kvotirovanija* [Legislation on Elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 1993–2013: Gender Restrictions and Quota Opportunities]. Moscow: Variant. 153 p.

Kon I.S. (2008) Muzhskaja rol' i gendernyi poriadok [Male Role and Gender Order]. *Vestnik obshchestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. no. 2, pp. 37–43.

Kozlova N., Monakhova Iu. (2019) Zhenshchiny-deputyaty predstavitel'nykh organov Privolzhskogo federal'nogo okruga: opyt analiza politicheskikh biografii [Women Deputies of Representative Bodies of the Volga Federal District: The Experience of Analyzing Political Biographies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologija*. no. 2, pp. 57–69. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-57-69.

Kunovich S., Paxton P. (2005) Pathways to Power: The Role of Political Parties in Women's National Political Representation. *American Journal of Sociology*. vol. 111, no. 2, pp. 505–552.

Lawless J., Fox R. (2003) Family Structure, Sex-role Socialization, and the Decision to Run for Office. *Women & Politics*. vol. 24, no. 4, pp. 19–48.

McIntyre S., Montgomery D., Srinivasan V., Weitz B. (1983) Evaluating the Statistical Significance of Models Developed by Stepwise Regression. *Journal of Marketing Research*. vol. 20, no. 1, pp. 1–11.

Moser R., Rybalko M. (2022) Representation of Women and Ethnic Minorities in the Russian State Duma 1993–2021. *Russian Politics*. vol. 7, no. 2, pp. 311–339.

Moser R.G. (2001) The Effects of Electoral Systems on Women's Representation in Post-Communist States. *Electoral Studies*. vol. 20, no. 3, pp. 353–369.

Muhametov R.S. (2021a) Vlijanie velichiny izbiratel'nykh okrugov na gendernyj sostav municipal'nogo deputatskogo korpusa [The Influence of the Size of Electoral Districts on the Gender Composition of the Municipal Deputy Corps]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 43–55.

Muhametov R.S. (2021b) Vysokoe predstavitel'stvo zhenshhin v parlamente i proporcional'naja izbiratel'naja sistema: rabotaet li jeta vzaimosvjaz' v Rossii? [High Representation of Women in Parliament and Proportional Electoral System: Does this Relationship Work in Russia?]. *Sravnitel'naja politika*. no. 2, pp. 82–93.

Norris P., Lovenduski J. (1995) *Political Recruitment. Gender, Race and Class in the British Parliament*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.

Paxton P., Kunovich S. (2003) Women's Political Presentation: The Importance of Ideology. *Social Forces*. vol. 82, no. 1, pp. 87–113.

Riabova T.B., Ovcharova O.G. (2016) Gendernaia politologija v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [Gender Political Science in Russia: Achievements, Problems and Prospects]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 1, pp. 3–23.

Riabov O. (2020) The Symbol of the Motherland and in the Legitimation and Delegitimation of Power in Contemporary Russia. *Nationalities Papers*. vol. 48, no. 4, pp. 752–767. DOI: 10.1017/nps.2019.14.

Riabova T., Riabov O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year's Eve Sexual Assaults in Cologne in Hegemonic Discourse of Russian Media. *Communist and Post-Communist Studies*. vol. 52, no. 2, pp. 145–154. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.04.004.

Riabova T.B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoj rossijskoj politike* [Gender of Power: Gender Stereotypes in Modern Russian Politics]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t. 246 p.

Riabova T.B., Riabov O.V. (2020) «...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha»: o genderno-vozzrastnykh stereotipakh v politike [«... I Hear the Speech not of a Boy, but of a Man»: About Gender-age Stereotypes in Politics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 4, pp. 5–13. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.

Ross M. (2008) Oil, Islam, and Women. *American Political Science Review*. vol. 102, no. 1, pp. 107–123.

Shvedova N.A. (2018) Gendernyi aspekt prezidentskoi kampanii 2016 goda v SShA [Gender Aspect of the 2016 Presidential Campaign in the USA]. *Amerikanskii ezhegodnik*. no. 2017, pp. 57–65.

Sillaste G.G. (2022) Mirovoi gendernyi landshaft i stranovoi gendernyi poriadok v usloviakh global'noi transformatsii sotsial'nykh system [Global Gender Landscape and Country Gender Order in the Context of Global Transformation of Social Systems]. *Vek globalizatsii*. no. 3, pp. 112–131.

Sillaste G.G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poryadka [Social Transitions and the Formation of a New Gender Order]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. no. 2, pp. 3–16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1.

Salmond R. (2006) Proportional Representation and Female Parliamentarians. *Legislative Studies Quarterly*. vol. 31, no. 2, pp.175–204.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2003) Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences. *Studies in East European Thought*. vol. 55, no. 1, pp. 51–61.

Thames F. (2017) Understanding the Impact of Electoral Systems on Women's Representation. *Politics & Gender*. vol. 13, no. 3, pp. 379–404.

Valentova M. (2016). How do Traditional Gender Roles Relate to Social Cohesion? Focus on Differences between Women and Men. *Social Indicators Research*. vol. 127, no. 1, pp. 153–178. DOI: 10.1007/s11205-015-0961-2.

Wilkinson L., Dallal G. (1981) Tests of Significance in Forward Selection Regression with an F-to-Enter Stopping Rule. *Technometrics*. vol. 23, no. 4, pp. 377–380.

Yoon M. (2004) Explaining Women's Legislative Representation in Sub-Saharan Africa. *Legislative Studies Quarterly*. vol. 29, no. 3, pp. 447–468.

Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. no. 3/4, pp. 299–321.

Информация об авторе

Мухаметов Руслан Салихович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Адрес: 620075, Россия, Екатеринбург, Ленина пр., д. 51. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

About the author

Ruslan S. Mukhametov, Candidate of Political Science, Assistant Professor, Department of Political Science of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Address: 620075, Russia, Yekaterinburg, Lenina Street, 51. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 28.02.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 15.04.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023